

## ДУБЛИРОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ

**В. Г. ГАВРИЛОВА,**

*кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»  
(г. Йошкар-Ола, РФ)*

---

В статье описываются случаи дублирования отдельных слов и грамматических показателей марийского и русского языков в устном дискурсе.

• *билингвизм; кодовое переключение; дублирование; марийский язык; русский язык*

Речь современного носителя марийского языка представляет собой постоянное переключение с родного языка (Я1) на русский язык (Я2). Родной язык наиболее маркирован, поэтому является матричным языком. В высказываниях на марийском языке кроме культурных заимствований<sup>1</sup> широко представлены другие единицы русского (гостевого) языка. Такие высказывания можно назвать билингвальными, а само явление известно в социо- и контактной лингвистике как кодовое переключение.

Долгое время смешение разных кодов<sup>2</sup> (языков) в речи билингвов не было предметом специальных исследований. Более того, оно воспринималось лингвистами как отрицательное явление и связывалось с субъективным фактором, а именно низким уровнем речевой культуры носителей языка [1, 174; 4, 46]. Исследователь марийского языка А. Н. Куклин пишет, что механическое перенесение в марийскую речевую стихию некоей совокупности модных русских слов напоминает макароническую речь, нарушающую общелитературную норму марийского языка, гибкость грамматических законов [4, 46]. На данном этапе развития языкознания процесс кодо-

вого переключения изучается с различных точек зрения: механизмов порождения билингвального высказывания, условий смены языка, выполнения определенных прагматических функций, последствий частого перехода на второй язык и т. д., но наибольший интерес лингвистов вызывает структура двуязычного устного текста.

Предметом изучения в статье является марийско-русский билингвальный повтор (дублирование), представляющий собой один из структурных типов кодового переключения. Цель статьи – описание случаев дублирования единиц марийского и русского языков в устном дискурсе. В исследовании использовались методы нестандартизованного интервью, включенного наблюдения, описания.

Переключение кодов, и в частности билингвальный повтор, изучено на материале разных комбинаций языков. Американский исследователь К. Майерс-Скоттон поэтапно описывает механизм порождения дублированной морфологии (на примере показателя множественного числа) с точки зрения психолингвистики [11, 134–135]. Г. Н. Чиршева отмечает, что переключения-дублирования (повтор отдельных слов и сочетаний) естественны в речи детей-билингвов, но выглядят нелепо в речи взрослых [8, 122]. В более поздней работе, посвященной изучению кодового переключения на английский язык в общении

---

<sup>1</sup> Культурные заимствования представляют собой обозначения реалий, объектов и понятий, новых для культуры языка-реципиента [8, 101].

<sup>2</sup> Смешением кодов считается переключение в пределах одного простого предложения [2, 220].

русских студентов, тот же автор объясняет появление эквивалентных грамматических показателей созданием юмористического эффекта в неофициальных ситуациях [9, 63–79]. Другие ученые считают подобные случаи типичными для переключения кодов [3, 127; 6, 105]. О. С. Потанина повтор слов сначала на одном, потом на другом языке в речи носителей васюганского диалекта хантыйского языка называет самоисправлениями [6, 105]. Несколько иной подход представлен в работе М. Турунена, который кодовое переключение относит к видам повтора [12, 223].

Переключение-дублирование встречается в речи взрослых билингов, владеющих марийским и русским языками, поэтому в исследовании мы исходим из понимания такого рода повтора как одного из проявлений кодового переключения.

Переключение-дублирование, представленное в устных текстах на марийском языке, можно условно разделить на два типа: лексическое и морфологическое.

При лексическом типе билингвального повтора рематически важная часть называется сначала на одном, потом на другом языке, сопровождаясь паузами различной длины, например: Моркышто *второй* школышто... *кокымшо* школышто тунемынам (К. Д.) 'В Морках во второй школе... во второй школе училась'; А вара загс деч вара *молодежь*... но *самырык енвлак* мемнан каят гулять (Ф. Н.) 'А потом после загса молодежь... но молодежь у нас едут гулять'.

Направленность лексического переключения-дублирования может быть двоякой:

1) от Я2 к Я1, например: Сўан годым... *мостшо* кузе маналтеш... *кўвар*... дечын, шым *кўвар* дечын нуно лекшаш улыт... (Ф. Н.) 'На свадьбе... мост как называется... мост... семь мостов они должны перейти'; Вот зре тыге коштын улына, но *последний*... *пытартыш* суртышко ме пурен огынал (Ф. Н.) 'Вот все время так ходили, но в последний... последний дом мы не заходили';

2) от Я1 к Я2, например: *Пошкудо* ял гыч... *соседний* ял гыч (Л. С.) 'Из соседней деревни'; Ну, тушто у *палыме*... кузе...

*знакомство*, у чыла обстановка весе (К. А.) 'Ну, там новые знакомства... как... знакомство, вся обстановка новая, другая'.

Последовательное использование эквивалентной лексики (Я2 → Я1) объяснимо явлением «парадокса наблюдателя», заключающегося в том, что «информант сознательно или несознательно чистит свой язык от таких элементов, которые он считает не принадлежащими к «чистому» языку» [5, 45]. Информант исправляется и называет ожидаемое слово.

Причиной появления повтора второго типа (Я1 → Я2) обычно служит ориентированность информанта на лингвиста, не владеющего языком, либо на других присутствующих. Информанту важно знать, понимают ли его. Исследователь водского языка М. Турунен считает, что в некоторых случаях дублирование слов может обозначать эмфазу или использоваться для заполнения паузы в то время, когда формируется последующая часть фразы [12, 224]. Повтор слова на русском языке при общении с носителем марийского языка, на наш взгляд, свидетельствует о более частом использовании русских эквивалентов. В другой ситуации (например, в других ролевых отношениях) использовалась бы лексема русского языка в виде пиджинизированного слова или окказионального заимствования<sup>3</sup>. Билингвальные повторы указывают на речевые колебания (гезитацию) в ходе использования марийского и русского языков.

Сущность морфологического дублирования состоит в том, что одно и то же грамматическое значение выражается средствами сразу двух языков (марийского и русского), например: Мый *бы* тыгай предметым пуртем *ыле*: финн фольклор, иктаж-могай литератур (Е. Л.) 'Я *бы* такие предметы ввела *бы*: финский фольклор, какая-нибудь литература'. В данном предложении значение условно-сослагательного наклонения глагола выражается дважды: частицами *бы* русского языка и *ыле* марийского языка.

<sup>3</sup> Окказиональные заимствования противопоставляются культурным заимствованиям и не заполняют лексических лакунов в языке-реципиенте [8, 101].

На данном этапе исследования в высказываниях на марийском языке выявлены следующие случаи морфологического дублирования:

1) окончаний винительного падежа *-и (-ы)* Я2 + *-м* Я1, например: Пашаче рвезе эре, руш манмыла, *ходы-выходым* муэщ, оксам кондаш тўналеш (В. Т.) ‘Трудолюбивый парень всегда, как говорят русские, ходы-выходы найдет, будет приносить деньги’; Как обычно паренгым, колым, салатым, *пирожким* (А. А.) ‘Как обычно картофель, рыбу, салат, пирожки (привозят. – В. Г.)’. На наш взгляд, такому использованию способствует совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в русском языке;

2) средств выражения модальности:

– показателя условно-сослагательного наклонения (*бы* Я2 + *ыле* Я1), например: Нуным эре мотор чиктат ыле... эре качественный одеж... вургемым, садлан нуно и мый эре тыге шонем ыле, ой, мыят *бы* тыге чияш *ыле* манн (манын. – В. Г.), эре мый тидым хотела, но тунам мый тидым эше не осознавала, что православный да мо улам манын. Мый бы нигунам ом вашталте шке верамым, молан манаш гын ик верам налынат гын уже, ўмыр мучко тудын дене кайыман (Ф. Н.) ‘Их всегда красиво одевали... всегда в качественную одеж... одежку, поэтому они и я всегда так думала, ой, мне бы также одеваться бы, всегда я этого хотела, но тогда еще не осознавала, что я православная и тому подобное. Я бы никогда не сменила свою веру, так как если уже принял одну веру, всю жизнь нужно ее придерживаться (букв. идти с ней); Кызыт чыла девятке лиеш *ыле бы* (М. В.) ‘Сейчас все девятки были бы’;

– модального глагола *можно* Я2 + *лиеш* Я1, например: Туштыжо вет *можно*... чыла иземдаш *лиеш* (К. Д.) ‘Там же ведь можно... все убавить можно’;

3) средств выражения степеней сравнения имен прилагательных и наречий и, шире, сравнительных оборотов:

– *больше* Я2 + *-рак* Я1 + *чем* Я2, например: Мый ом ойло, что нуно ушанрак улыт, просто тиде илышлан *большырак* келшен толыт, *чем* мемна (ме. – В. Г.), нуно боль-

ше келшен толыт (А. А.) ‘Я не говорю, что они умнее, просто к этой жизни больше приспособлены, чем мы, они больше (букв. подойдут)’;

– *более* Я2 + *-рак* Я1, например: Уже подростковый возрастыште ўдыр-шамыч *более*, кузе манаш, *кутырызырак* лийыт, *более* шкеныштым, кузе манаш, ну, чот кутыраш йбратат (К. Л.) ‘Уже в подростковом возрасте девочки *более*, так сказать, разговорчивыми становятся, *более* себя, так сказать, ну, много болтать любят’; Седьмой ала-мо, но, *более* кугурак да вот... (В. Т.) ‘Седьмой что-ли, но, *более* взрослый и вот...’;

– *как будто* Я2 + *семын* Я1, например: Ончем, тушто *как будто* линий *семын* коеш (Т. В.) ‘Смотрю, там как будто линия видна’.

Кроме вышеперечисленных встречаются случаи повтора средств выражения приблизительного количества, сочинительных и подчинительных союзов марийского и русского языков в пределах одного высказывания [2, 223].

Исследователи, изучающие другие комбинации языков, отмечают частое появление двойной маркировки множественного числа [8, 74–75; 9, 63–79]. Интересен тот факт, что на данном этапе изучения марийско-русского кодового переключения не обнаружено случаев дублирования показателей множественного числа.

Из использованных эквивалентных морфем ведущим является показатель марийского языка, именно он отвечает за синтаксические связи с другими словами.

Кроме одновременного использования показателей одной и той же грамматической категории встречаются случаи совмещения в одной словоформе окончаний разных падежей, например:

– родительный падеж (Я2) + местный падеж (Я1), например: Мый *Андрея Вершининаште* илем (Я. А.) ‘Я живу на улице Вершинина’;

– родительный падеж (Я2) + винительный падеж (Я1), например: Пиал да сай илыш: *знак равенствам* шындаш лиеш мо? (Г. В.) ‘Счастье и хорошая жизнь: можно ли поставить знак равенства?’; Тудо *история дерев-*

нитым, ожно мо лиймым каласкалыш (З. Р.) 'Она историю деревни-то, что было раньше рассказала'; *Степень тяжести* определить огына сене (А. М.) 'Степень тяжести не можем определить'; *Двадцать копеек* должен буду, йора?! (М. В.) 'Двадцать копеек должен буду, хорошо?!'. С одной стороны, сочетания представляют собой островные включения, так как слова в сочетании связаны между собой правилами гостевого языка. С другой стороны, с остальными словами в предложении рассматриваемые сочетания связаны при помощи аффикса матричного языка. По правилам принимающего языка показатели аккузатива должны были быть прибавленными к основным словам сочетания (*знак, история, степень*), использование аффикса марийского языка во втором (зависимом) слове после флексии русского языка указывает на то, что все сочетание на гостевом языке воспринимается как единая и основная форма. Препозиционное появление главного слова на русском языке нарушает порядок слов матричного языка, поэтому оно также вызывает зависимое слово на гостевом языке, сохраняя порядок слов. По гипотезе стимулирования островного пере-

ключения (EL Triggering Hypothesis, the EL Island Trigger Hypothesis) главные слова сочетания являются триггерами<sup>4</sup>, т. е. словами, запускающими сочетание на другом языке. Безусловно, морфемы марийского языка выполняют основную роль в предложении.

Речь билингва, владеющего марийским и русским языками, представляет собой частое переключение с родного языка на русский. Одним из структурных типов марийско-русского кодового переключения служит дублирование. Повтор эквивалентной лексики на марийском и русском языках объясняется колебанием в выборе соответствующей языковой единицы и обычно сопровождается паузами. В отличие от повтора отдельных слов морфологическое дублирование в марийско-русских билингвальных устных текстах встречается реже. Морфемы марийского языка являются ведущими и дублируют показатели русского языка во избежание грамматического конфликта.

<sup>4</sup> М. Ковач пишет, что данный термин впервые введен М. Clyne (1967) [10, 36, 46]. Среди отечественных лингвистов этот термин встречается в работе Э. В. Хилхановой [7, 161].

Поступила 13.09.2012

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абукаева, Л. А.* Национальное самосознание и культура речи мари // *Язык и этнос: материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов – преподавателей вузов РФ.* – Казань, 2000. – С. 173–174.
2. *Гаврилова, В. Г.* Переключение кодов в марийском языке (на примере имен числительных) // *Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Междунар. симпозиума «Языковые контакты Поволжья».* – Йошкар-Ола, 2011. – С. 219–223.
3. *Гренобль, Л.* Переключение кодов и изменения в языковой структуре (на материале эвенкийского языка) // *Языковые изменения в условиях языкового сдвига.* – СПб., 2007. – С. 116–138.
4. *Куклин, А. Н.* К вопросу об экологии государственного марийского (лугового) языка // *Проблемы развития марийского языка как государственного.* – Йошкар-Ола, 2000. – С. 44–52.
5. *Пинеда, Д.* К проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов // *Полярный вестник.* – 2007. – № 10. – С. 40–51.
6. *Потанина, О. С.* Кодовое переключение в хантыйском языке // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та.* – 2010. – Вып. 7 (97). – С. 102–106.
7. *Хилханова, Э. В.* Лингвистические факторы переключения кодов (на материале современной языковой ситуации в этнической Бурятии) // *Вестн. Читинского гос. ун-та.* – 2009. – № 4 (55). – С. 160–164.
8. *Чиршева, Г. Н.* Двуязычная коммуникация / Г. Н. Чиршева. – Череповец, 2004. – 190 с.
9. *Чиршева, Г. Н.* Кодовые переключения в общении русских студентов // *Язык, коммуникация и социальная среда.* – Воронеж, 2008. – С. 63–79.
10. *Kovacs, M.* Koodinvaihto ja kielioppi // *Kielet kohtaavat.* – Helsinki, 2009. – S. 24–49.
11. *Myers-Scotton, C.* Duelling languages: Grammatical structure in code-switching / C. Myers-Scotton. – Oxford, 1997. – 285 p.
12. *Turunen, M.* Nykyvatjan koodinvaihdosta // *Virittäjä.* – 1997. – № 2. – S. 208–232.